

На правах рукописи

Мартыненко Михаил Александрович

**Историческая политика Польской Народной
Республики в 1981–1989 гг.: трансформация курса**

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ростов-на-Дону – 2024

Работа выполнена на кафедре зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»

Научный руководитель:

кандидат исторических наук **Гаврилов Сергей Николаевич**

(ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений)

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук **Матвеев Геннадий Филиппович**

(ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», профессор, зав. кафедры истории южных и западных славян)

доктор исторических наук **Костяшов Юрий Владимирович**

(ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», профессор, профессор ОНК «Институт образования и гуманитарных наук»)

Ведущая организация:

АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»

Защита состоится _____ 2024 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета 24.1.121.01 (Д 002.248.01) по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук и кандидата исторических наук при Институте славяноведения РАН по адресу: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32А, корпус «В», 9-й этаж, ауд. _____.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН. Автореферат размещён на сайте ИСл РАН: <http://www.inslav.ru> и ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ

Автореферат разослан _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

К.В. Мельчакова

© Институт славяноведения РАН

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования*. Видоизменение мнемонического ландшафта Центрально-Восточной Европы в 1980-е гг. было связано с ослаблением всего социалистического блока и конкретными негативными тенденциями внутри государств-членов Организации Варшавского договора. Возглавлявшие коммунистические правительства лидеры осуществляли не только социально-экономическую трансформацию в условиях меняющейся политической конфигурации, но и вырабатывали исторические нарративы, позволявшие им поддерживать авторитет действующей власти. Особый интерес в данном контексте приобретает трансформация курса исторической политики Польской Народной Республики, которая происходила, с одной стороны, в условиях конфронтации между двумя системами периода холодной войны, с другой, сопровождалась крушением конвенциональных нарративов о прошлом.

Научная актуальность работы обусловлена ее соответствием современным теоретико-методологическим и историографическим тенденциям, в рамках которых осуществляется интенсивная разработка проблематики исторической политики стран Центрально-Восточной Европы, рассматриваются вопросы видоизменения политической системы Польской Республики, а также анализируется культурная составляющая ее развития¹. В то же самое время процесс трансформации курса исторической политики Польской Народной Республики, происходивший в условиях политической турбулентности 1980-х гг., до сих пор не становился предметом комплексного научного исследования.

Объект исследования – историческая политика Польской Народной Республики в 1981–1989 гг.

Предмет исследования – процесс трансформации сущностных механизмов исторической политики, проводимой властями Польской Народной Республики в 1981–1989 гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период с введения в Польской Народной Республике военного положения и перехода властных полномочий к Военному совету национального спасения в декабре 1981 г. до смены общественно-политического строя в результате апрельской конституционной реформы и Парламентских выборов июня 1989 г. Выбор нижней хронологической границы обусловлен кардинальными изменениями в идеологической и административно-политической жизни, которые стимулировали польское правительство начать трансформацию курса исторической политики. Выбор верхней хронологической границы объясняется фактической утерей коммунистическими элитами властных полномочий и рычагов воздействия на историческую политику после завершения электоральных процессов 1989 г.

* Диссертант выражает искреннюю благодарность своему научному руководителю, доктору исторических наук, профессору Виктору Юрьевичу Апрыщенко.

¹ Ury S. Re-membering Poland: History, Memory and Society in East Central Europe // History and Memory. 2022. № 34 (2). P. 1–6.

Географические рамки исследования охватывают всю территорию Польской Республики в 1981–1989 гг. Вместе с тем, главное внимание в исследовании уделено столице социалистической Польши – Варшаве, в которой функционировали высшие правящие органы государства, проводились съезды Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), а также принимались решения по изменению необходимого властям курса исторической политики. Указанные географические границы расширяются за счет включения в них СССР, а также западноевропейских и американских городов, где публиковались польские диссиденты и историки.

Степень изученности темы. В историографии проблематика диссертационного исследования долгое время рассматривалась либо как составная часть общего процесса трансформации политического курса польского правительства, либо как одна из сторон культурной политики социалистического режима. Подавляющее большинство работ посвящено общим теоретическим вопросам исторической политики как идейно-политического и культурного феноменов, истории развития коммеморативных проектов в Польше. Прежде всего следует указать на наличие разносторонних историографических исследований исторической политики, которые включают в себя анализ представлений авторов об этом явлении в динамике, объясняют мотивы и описывают контексты, обуславливающие интерес исследователей к проблеме исторической политики социалистической Польши².

Анализ содержания корпуса исследовательских работ, связанных с проблемой диссертации, позволяет разделить историографию на две группы: зарубежную и отечественную.

В зарубежной историографии исследования трансформаций исторической политики Польской Народной Республики начались спустя несколько лет после крушения социалистического режима. На начальном этапе авторы уделяли внимание осмыслению посткоммунистического транзита и политическим коллизиям в Польской Республике, вводя в научный оборот значительное количество исторических источников³. В этот период в зарубежной историографии остро встал вопрос о взаимодействии власти и оппозиции, прежде всего Независимого самоуправляемого профсоюза (НСП) «Солидарность», накануне и в ходе переговорного процесса 1988–1989 гг.⁴.

В 2000-е гг. зарубежные исследователи сосредоточили свое внимание, обусловленное общественным осмыслением процесса распада социалистического лагеря, на событиях 1989 г. Между авторами начинаются

² Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku: historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku / redakcja: Krzysztof Buchowski i Wojciech Sleszynski. Białystok, 2003; Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши) / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2017. С. 143–412; *Wawrzyniak J. History and Memory: The Social Frames of Contemporary Polish Historiography // Acta Poloniae Historica. 2011. № 103. P. 127–146.*

³ *Eisler J. Zarys dziejów politycznych Polski: 1944–1989. Warszawa, 1992.*

⁴ *Raina P. Droga do “Okrągłego Stołu”. Zakulisowe rozmowy przygotowawcze. Warszawa, 1998.*

споры по наиболее острым вопросам трансформации польского общества⁵. В этот период в значительной степени расширился методологический инструментарий зарубежных авторов, которые обратили внимание на влияние цензурных ограничений на проводимую историческую политику. В работе польского исследователя З. Ромека «Цензура в ПНР: опыт историков» были собраны устные свидетельства историков, которые занимались академической наукой в социалистической Польше⁶. Исследователь пришел к выводу, что в большинстве случаев авторы не обладали необходимой информацией о реальном положении дел в силу ограниченного доступа к архивам и зарубежной литературе, что сказывалось на издаваемых текстах.

В книге польской исследовательницы М. Жарын «Историческая политика в образовании ПНР» рассматриваются проблемы исторического просвещения, а также его подконтрольности органам власти⁷. Она описывает многие искажения в материалах для школьников, например, М. Жарын указывает на отсутствие нарратива о преемственности между довоенной и послевоенной государственностью, что подчеркивало уникальную роль коммунистических властей в национальной истории⁸. Вместе с тем, по ее мнению, в 1980-е гг. в культурно-исторический дискурс возвращались, с подачи властей, нарративы о Варшавском восстании 1944 г., переформатировался канон описания Октябрьской революции и Второй мировой войны⁹. Схожая оценка была представлена в сборнике «Нарративы памяти: между политикой и историей», изданном в 2015 г. под редакцией К. Кацкой, Д. Пеховяк-Лампраской и А. Ратке-Маевской¹⁰. Анализируя «военную составляющую» исторических нарративов, Л. Полняк приходит к выводу, что историческая политика польского правительства была направлена на конструирование многоуровневой памяти о Второй мировой войне, в которую входила не только агрессия нацистской Германии, но и другие сюжеты польской истории, свободные от коммунистической идеологии¹¹.

В 2010-е гг. исследовательская оптика авторов была направлена на изучение региональной составляющей исторической политики. В работах А. Чижевского¹², З. Семика¹³, Д. Калицкой и П. Витека¹⁴ анализируются общие

⁵ *Majchrzak K., Majchrzak S. Arbeiterselbstverwaltung und Betriebsdemokratie in der Volksrepublik Polen – Ansprüche und Widersprüche // Axel Weipert (Hrsg.): Demokratisierung von Wirtschaft und Staat – Studien zum Verhältnis von Ökonomie, Staat und Demokratie vom 19. Jahrhundert bis heute. Berlin, 2014. S. 141–169.*

⁶ *Romek Z. Cenzura w PRL: relacje historyków. Warszawa, 2000.*

⁷ *Żaryn M. Polityka historyczna w edukacji w PRL / Polityka czy propaganda. PRL wobec historii, red. Paweł Skibiński, Tomasz Wiścicki. Warszawa, 2009. S. 117–142.*

⁸ *Ibid. S. 138–139.*

⁹ *Ibid. S. 139–142.*

¹⁰ *Narracje pamięci: między polityką a historią / pod redakcją K. Kackiej, J. Piechowiak-Lamoarskiej, A. Ratke-Majewskiej. Toruń, 2015.*

¹¹ *Polnaik L. Polskie tradycje historyczne i militarne w pamięci zbiorowej Polaków w świetle badań OBOP w latach 1958–1989. / Narracje pamięci: między polityką a historią / pod redakcją K. Kackiej, J. Piechowiak-Lamoarskiej, A. Ratke-Majewskiej. Toruń, 2015. S. 186.*

¹² *Czyżewski A. Szlakiem „Promienistych” – o budowaniu mitu okupacyjnej Łodzi w czasach PRL. Studium z lokalnej polityki pamięci w czasach PRL / Historia i pamięć. Studia i szkice historyczne, red. Jolanta Kolbuszewska, Rafał Stobiecki. Łódź, 2016. S. 105–126.*

¹³ *Semik Z. Nowohucki pomnik Lenina / Wańka-wstańka. Nowohucki pomnik Lenina. Kraków, 2020.*

тенденции инструментализации прошлого как на уровне отдельных воеводств, так и во взаимосвязи между региональным и общегосударственным историческими нарративами. Исследователи сходятся во мнении, что историческая политика в отдельных воеводствах в 1980-е гг. трансформировалась по отличиям от национальных трендов. Схожую диспропорцию между региональным и общегосударственным измерениями отмечает американский исследователь П. Полак-Спрингер¹⁵. Анализируя пограничное положение Верхней Силезии с точки зрения мемориального противостояния между Польской Народной Республикой и ФРГ, автор приходит к выводу, что в послевоенный период этот регион стал местом перманентных коммеморативных практик, которые выражались в установлении и демонтаже мемориальных табличек, изменении топонимики и создании специальных институтов памяти¹⁶.

Оригинальный взгляд на цензурную составляющую исторической политики был предложен польской исследовательницей А. Вишневской-Грабарчик¹⁷. Она рассматривает цензуру с институциональной и семиотической точек зрения, которые охватывают все возможные системы государственного контроля за текстами. Исследовательница вводит понятие «криптотекст», понимая под ним «непубличный текст с намеренно ограниченным тиражом»¹⁸. А. Вишневская-Грабарчик делает вывод, что польские цензоры допускали к печати только те сочинения, которые отбирались на основе культурно-исторического кода, подразумевающего циркуляцию «не искажающих историческую реальность» публикаций¹⁹.

Следуя за изменениями в исследовательском поле изучения исторической политики, на современном этапе зарубежные специалисты обратились к проблеме участия польских историков в трансформации коммеморативной повестки Польской Народной Республики. В работах французско-польского автора В. Бера, посвященных «вторжению историков» в историческую политику социалистического периода, был сделан вывод, что в 1980-е гг. главным трендом польской историографии была ее диссидентская составляющая, которая препятствовала выстраиванию удобной для власти исторической политики²⁰. Он приходит к выводу, что политическая ориентация историков, опираясь на которую они воспроизводили исторические дискурсы, способствовала изменению мемориального ландшафта.

В отечественной историографии изучение трансформаций исторической политики началось несколько позже. Впервые проблема видоизменения

¹⁴ Kalicka J., Witek P. *Polityka historyczna / Modi memorandi. Leksykon kultury pamięci*, red. M. Saryusz-Wolska, R. Traba, współpraca J. Kalicka. Warszawa, 2014. S. 378–387.

¹⁵ Polak-Springer P. *Recovered territory: a German-Polish conflict over land and culture, 1919–89*. New York, 2015.

¹⁶ Ibid. P. 273–300.

¹⁷ Wiśniewska-Grabarczyk A. *The Censorship Review in the Polish People's Republic as Cryptotext // The Polish Review*. 2019. № 64 (1). P. 31–49.

¹⁸ Ibid. P. 31.

¹⁹ Ibid. P. 41–47.

²⁰ Behr V. *How Historians Got Involved in Memory Politics: Patterns of the Historiography of the Polish People's Republic before and after 1989 // East European Politics and Societies and Cultures*. 2021. № 3 (36). P. 970–991.

мемориального ландшафта в период посткоммунистического транзита прозвучала в работе Л.С. Лыкошиной²¹. В этот период появляется небольшое число исследований, посвященных общим аспектам государственного строя социалистической Польши, ее истории и культуре²². В 1995 г. была опубликована монография Я.Я. Гришина «Драматические события в Польше, 1980–1981 гг.», в которой автор предпринял попытку анализа генезиса и развития оппозиционных структур в Польской Народной Республике²³.

В 2000-е годы происходит количественное и качественное приращение исследований российских авторов. Оценка влияния коллективной памяти на процессы, происходившие в социалистической Польше в 1980-е гг., была приведена в работе «Славянские народы: общность истории и культуры», изданной в 2000 г. в Институте славяноведения Российской академии наук, сотрудники которого внесли значительный вклад в изучение польской истории Новейшего времени²⁴. Анализируя российско-польские взаимоотношения в XX веке, авторы пришли к выводу, что в этот период с обеих сторон были созданы устойчивые негативные стереотипы, поддерживаемые памятью о предыдущих конфликтах²⁵.

Еще одной отличительной чертой работ 2000-х гг. является переключение исследовательской оптики авторов на внешнеполитическое измерение исторической политики. Так, в сочинении Т. Мареш впервые в отечественной историографии анализируется трансформация исторической политики социалистической Польши сквозь призму учебников по истории²⁶. Обращая внимание на эволюцию в изложении материала по истории Второй мировой войны в учебных пособиях, исследовательница заключает, что в учебниках 1980-х гг. по-прежнему отсутствовала информация об оккупации Польши Советским Союзом в начале Второй мировой войны²⁷.

С начала 2010-х гг. историческая политика польского правительства стала изучаться отечественными исследователями более интенсивно. В работах А.А. Касовича рассмотрена инструментализация Грюнвальдской битвы 1410 г. в исторической политике Польской Народной Республики²⁸. По словам автора, власти социалистической Польши использовали юбилей Грюнвальдской битвы во внешнеполитическом измерении исторической политики, направленном на демонстрацию непреклонности по вопросам территорий, отошедших Польше

²¹ Лыкошина Л.С. Польский кризис 80-х годов в контексте общественного сознания: дис. ... док. ист. наук. М., 1995.

²² Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1993.

²³ Гришин Я.Я. Драматические события в Польше, 1980–1981 гг. Казань, 1993.

²⁴ Польша в XX веке. Очерки политической истории / Ответственный редактор А.Ф. Носкова. М., 2012.

²⁵ Славянские народы: общность истории и культуры: К 70-летию члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова. М., 2000. С. 461–476.

²⁶ Мареш Т. Образ восточного соседа: История Руси, России и СССР в польских учебниках для средней школы (40–90-е гг. XX в.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2008. № 4. С. 94–129.

²⁷ Там же. С. 116.

²⁸ Касович А.А. Символика грюнвальдских мечей в исторической памяти польского народа (к 600-летию сражения) // История и историческая память. 2010. № 2. С. 99–102.

после Второй мировой войны²⁹. Более аргументированная оценка коммеморативной деятельности польского правительства на «Возвращенных землях» была изложена в работе А.А. Жирова³⁰.

Влияние коллективной памяти на историческую политику и формирование нарративов национальной идентичности в Польше нашло свое отражение в работах А.Г. Васильева и В.О. Васильевой³¹. Значительный вклад в изучение истории Польской Народной Республики внес В.В. Волобуев. В его работах рассматривается зарождение несистемной оппозиции в социалистической Польше, влияние религиозных дискурсов на развитие государства, а также анализируется место писателя С. Лема в польском культурно-политическом пространстве³².

В условиях нарастания российско-польских международных противоречий в 2010–2020-е гг., отечественные историки стали более активно обращаться к проблематике польской исторической политики³³. В работах А.И. Миллера³⁴, Н. Эппле³⁵, Л.С. Лыкошиной³⁶, А.Р. Лагно³⁷ и М.В. Лескинен³⁸ разрабатывалась проблема динамики мемориального менеджмента польского правительства, его взаимосвязи с политическими изменениями внутри страны. Хотя исследовательская оптика авторов, как правило, и была направлена на анализ политического использования прошлого в постсоциалистической Польше, для демонстрации преемственности исторических нарративов они прибегали к анализу трансформаций исторической политики в 1980-е гг.

В 2020-е гг. распространение в российской исторической науке получило направление по исследованию медиевализма, понимаемого как рецепция средневековых сюжетов в новых политических и культурных контекстах. Анализируя литературу, кинематограф, историографию и публичную сферу социалистической Польши, российские авторы отмечают, что рецепция средневековых исторических нарративов приходится на 1970–1980-

²⁹ *Он же*. Празднование юбилеев Грюнвальдской битвы в XX веке // Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. № 2. С. 90.

³⁰ *Жиров А.А.* Реполонизация культурного ландшафта Воссоединенных земель в составе Польши после Второй мировой войны (1945–1956 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов Международной молодежной научной школы-конференции, Новосибирск, 12–14 октября 2020 года / Редколлегия: Т.И. Морозова (отв. ред.), И.С. Чернова (отв. секр.). Новосибирск, 2020. С. 353–361.

³¹ *Васильев А.Г., Васильева В.О.* Образы «истоков Польши» в романтическом мемориальном нарративе: формирование события // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 151–171.

³² *Волобуев В.В.* Политическая оппозиция в Польше. 1956–1976. М., 2009; *Он же*. Иоанн Павел II: поляк на Святом престоле. М., 2020; *Он же*. Станислав Лем – свидетель катастрофы. М., 2023.

³³ *Матвеев Г.Ф.* Польско-российские отношения в XX веке глазами непредвзятого историка // Историческая экспертиза. 2019. № 2 (19). С. 70–74.

³⁴ *Миллер А.И.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1 (80). С. 111–121.

³⁵ *Эппле Н.* Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М., 2020. С. 227–230.

³⁶ *Лыкошина Л.С.* Об исторической политике в контексте политической борьбы в современной Польше // Славяноведение. 2014. № 5. С. 45–55.

³⁷ *Лагно А.Р.* День памяти «проклятых солдат»: коммеморативные практики в современной Польше // Центральноевропейские исследования. 2019. № 1 (10). С. 269–288.

³⁸ *Лескинен М.В.* Историческая политика и национальная мифология: «постправда» и наука на государственной службе // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 1. С. 66–82.

е гг³⁹. Они делают вывод, что «медиевальная аргументация» использовалась правительством для решения «актуальных политических целей»⁴⁰.

Таким образом, проблема трансформации исторической политики Польской Народной Республики была поставлена зарубежными исследователями в 1990-е гг., что было обусловлено как развитием исследовательского поля изучения коллективной памяти, так и общественным осмыслением наследия социалистических режимов. За этот период в научный оборот было введено значительное количество исторических источников, включая устные, визуальные и художественные тексты. Зарубежные и отечественные исследователи выделили региональное измерение исторической политики, проанализировали влияние корпорации историков на формирование мемориального ландшафта, а также рассмотрели отдельные коммеморативные проекты. На современном этапе все бóльшую известность получают работы, выполненные в междисциплинарном русле, хотя и с привлечением ранее использованных источников. В то же самое время, авторов в меньшей степени интересовал хронологический период 1980-х гг. по причинам, с одной стороны, участия самих исследователей в описываемых событиях, с другой, недостаточной изученностью предшествующих этапов эволюции исторической политики. Несмотря на значительные достижения зарубежной и отечественной историографии, проблема трансформации исторической политики Польской Народной Республики в контексте политической, социальной и культурной турбулентности 1980-х гг. до сих пор не становилась предметом отдельного исследования.

Цель диссертации заключается в комплексном анализе процесса трансформации исторической политики Польской Народной Республики в 1981–1989 гг.

Задачи исследования:

— определить идеологические и идейно-теоретические предпосылки формирования курса исторической политики польского правительства в условиях государственного кризиса 1981 г.;

— установить место партийных и общественных организаций в процессе институционализации исторической политики Польской Народной Республики в первой половине 1980-х гг.;

— выявить сущностные характеристики практик историописания польских историков в контексте их использования в трансформации образовательного компонента исторической политики и общего влияния на видоизменения коммеморативных проектов польского правительства;

— рассмотреть роль католической церкви в процессе видоизменения мемориального ландшафта Польской Народной Республики в середине 1980-х гг.;

³⁹ Колосков Е.А., Копанева Д.Д., Филюшкин А.И., Черных Т.Г. Старые и новые формы медиевализма в 1950–1980-х годах / Мобилизованное Средневековье: в 2 т. Т.1: Медиевализм и национальная идеология в Центрально-Восточной Европе и на Балканах / под ред. Д.Е. Алимова и А.И. Филюшкина. СПб., 2021. С. 268.

⁴⁰ Там же. С. 269.

— установить место исторической политики в программных положениях Независимого самоуправяемого профсоюза «Солидарность» и определить их значение для трансформации мемориального ландшафта Польской Народной Республики во второй половине 1980-х гг.;

— раскрыть эволюцию курса исторической политики польского правительства в условиях переговорного процесса с оппозицией в 1987–1989 гг.

Методологическая основа исследования связана с комплексным подходом к феномену исторической политики и носит междисциплинарный характер. В ходе проведения диссертационного исследования учитывался мультипарадигмальный статус современной исторической науки, обязующий автора следовать принципу методологического плюрализма. Принцип контекстуальности позволил вписать процесс трансформации курса исторической политики в социальный, культурный и экономический ландшафты польской политической системы в 1981–1989 гг. Принцип системности нашел свое отражение в рассмотрении эволюции исторической политики как единого многофакторного процесса, объединенного общими идейно-политическими основаниями.

В диссертации применялись следующие специально-исторические методы исследования: проблемно-хронологический, историко-сравнительный, историко-генетический. Проблемно-хронологический метод позволил структурировать изучаемый исторический период на ряд хронологически-последовательных, узких проблем. Применение историко-сравнительного метода позволило выявить сходства и различия в подходах к инструментализации прошлого и выработки конкретных исторических нарративов, распространенных в среде ПОРП и других сегментах польского общества. Выявить историко-культурную составляющую продуцируемых польским правительством нарративов о прошлом позволил историко-генетический метод.

В работе также использовались междисциплинарные методы нарративного и акторного анализа, свойственные исследовательскому полю *memory studies*. Метод нарративного анализа, направленный на интерпретацию повествования, позволил определить содержательную базу исторической политики, а также выявить повествовательные стратегии, используемые польскими властями для реализации коммеморативных проектов. Указанный метод также применялся для анализа нарративов польских историков, которые в настоящей работе рассматриваются как целостные идеологизированные повествования о прошлом, находящиеся под влиянием политического дискурса. Использование метода акторного анализа позволило рассмотреть институциональное измерение исторической политики, уточнить степень вовлеченности политических и общественных институтов в процесс трансформации коммеморативных практик польского правительства. Опираясь на актуальные тенденции в диджитализации исторической науки и «цифровой поворот» в *memory studies*, в диссертации применялись количественные методы анализа и репрезентации данных.

Источниковую базу диссертационной работы составили нормативные акты; материалы центральной и региональной периодической печати; делопроизводственная документация; публицистика; школьные учебники и методические программы; сочинения историков; источники личного происхождения; визуальные источники.

Процесс трансформации курса исторической политики Польской Народной Республики нашел свое прямое отражение в **нормативных актах**. Комплекс привлекаемых в работе источников этой группы включает в себя законодательные акты, постановления центральных властей и органов власти в отдельных воеводствах. Содержащаяся в нормативных актах информация позволила проследить институционализацию исторической политики, законодательное оформление коммеморативных проектов, а также восстановить процесс нормативного воплощения курса исторической политики в 1981–1989 гг.

К следующей группе источников относятся **материалы центральной и региональной периодической печати**, издаваемой в Польской Народной Республике в 1981–1989 гг. Ключевую роль для диссертационного исследования играет общенациональная газета «Трибуна Люду». К этой же группе относятся периодические издания отдельных институтов, участвующих в реализации исторической политики, а также материалы периодической печати оппозиционных социалистическому режиму структур.

Значительную ценность для исследования представляет **делопроизводственная документация** органов государственной власти, общественных и оппозиционных организаций, а также институтов переходного периода.

Многочисленная группа источников представлена **публицистикой**, изучение которой способствовало пониманию концептуальных и ценностных основ исторической политики Польской Народной Республики. Приоритетное значение для диссертации имеют тексты представителей государственной власти, интеллектуалов, религиозных деятелей и оппозиционных лидеров.

Анализ трансформации образовательной составляющей исторической политики осуществлен с привлечением **школьных учебников и методических программ** по истории, издаваемых под эгидой Министерства народного образования в 1980-е гг. В диссертационной работе использовались издания и переиздания учебников по истории, выпущенные под редакцией польских историков.

Следующая группа источников представлена **сочинениями историков**, на основе которых был произведен анализ взаимодействия между различными направлениями польской историографии и определена степень ее вовлеченности в процессы реализации и трансформации исторической политики.

В работе привлечены **источники личного происхождения**, отражающие взгляд представителей ПОРП и антикоммунистической оппозиции на процесс трансформации исторической политики в 1981–1989 гг. Особым образом

следует указать на мемуары, дневники и воспоминания ключевых политических деятелей изучаемого исторического периода.

Для рассматриваемой в работе проблемы репрезентативными являются **визуальные источники**. В диссертации используются опубликованные архивные фотографии и другие графические изображения, относящиеся к изучаемому периоду.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые в историографии комплексно исследован процесс трансформации курса исторической политики польского правительства с момента формирования коммеморативных стратегий в начале 1980-х гг. до фактической смены политического режима в Польской Народной Республике в 1989 г. Научная новизна основных положений и выводов диссертационного исследования состоит в следующем:

1. На основе проведенного анализа текстов полярных идейно-политических сегментов польского общества определены идеологические основания курса исторической политики Польской Народной Республики, сформированные в условиях государственного кризиса и военного положения начала 1980-х гг. Выявлена совокупность концепций политического использования прошлого, их аксиологическая и утилитарная составляющие, а также доказано, что выработка курса исторической политики лидером Военного совета национального спасения В. Ярузельским осуществлялась на основе привлечения всех существующих в польском политическом дискурсе идей, что было обусловлено необходимостью повышения престижа действующей власти в различных слоях польского общества.

2. Всесторонне исследованы партийные и формально независимые от государства организации, участвующие в трансформации курса исторической политики Польской Народной Республики в первой половине 1980-х гг. На основе анализа документов определен круг институтов памяти, а также обозначена их роль в организации официальных юбилеев, годовщин и памятных дат, на которые ориентировалось польское правительство при реализации курса исторической политики, включая внутривнутриполитические и внешнеполитические аспекты инструментализации прошлого.

3. Выявлена взаимосвязь между трансформацией курса исторической политики Польской Народной Республики и доминирующими практиками историописания польских историков в середине 1980-х гг., внутри которых выделены два направления, одно из которых – диссидентское – препятствовало реализации коммеморативных проектов ПОРП, другое – лояльное государству и объединенное в рамках Польского исторического общества – было задействовано в видоизменении исторических нарративов под контролем польского правительства. Доказано, что при участии историков произошла замена старых школьных учебников с однозначными интерпретациями национальной истории на новые, в которых допускалось плюралистичное описание событий, не противоречащее доминирующей в Польской Народной Республике идеологии.

4. Раскрыта роль и место католического духовенства в изменении модальности коллективной памяти польского общества, внутри которой триумфалистские исторические нарративы о военных победах в 1980-е гг. постепенно заменялись совокупностью историй, повествующих о жертвенности поляков. Обосновано, что визиты папы римского Иоанна Павла II в Польскую Народную Республику в 1983 г. и 1987 г. оказали значительное влияние на курс исторической политики польского правительства и способствовали ревитализации ранее замалчиваемых исторических нарративов в мемориальном пространстве государства.

5. На основе проведенного анализа программных документов НСП «Солидарность» выявлены и сформулированы ключевые подходы антикоммунистической оппозиции к исторической политике, которые предполагали участие профсоюзных деятелей в реализации и трансформации коммеморативных практик в Польской Народной Республике, что нашло выражение в активном распространении исторических нарративов как внутри государства, так и на международной арене.

6. Проанализированы вопросы взаимодействия антикоммунистической оппозиции с государственными и партийными структурами в ходе переговорного процесса 1987–1989 гг., сопровождающегося трансформацией коммеморативных практик и переформатированием мемориального пространства Польской Народной Республики. На основе документов, содержащих позиции противоборствующих сторон в рамках «Круглого стола» 1989 г., определена преемственность между положениями по вопросу исторической политики НСП «Солидарность» и ПОРП на начальном этапе переговорного процесса и итоговыми документами, принятыми на заседаниях рабочих групп.

Положения, выносимые на защиту.

1. Проблема трансформации курса исторической политики Польской Народной Республики в начале 1980-х гг. занимала одно из главных мест в процессе идеологической перестройки государственности в условиях системного кризиса. Это было обусловлено, с одной стороны, падением авторитета действующей власти и ценностным обнищанием устоявшихся исторических нарративов, которые не могли более повышать престиж действующей власти. С другой стороны, в условиях активизации коммеморативной деятельности со стороны антикоммунистической оппозиции, которая способствовала актуализации альтернативных версий прошлого в коллективной памяти польского общества, представители ПОРП были вынуждены отвечать на общественный запрос и менять конфигурацию мемориального ландшафта на основе привлечения идеологических и ценностных установок полярных сегментов польского общества.

2. Институционализация исторической политики Польской Народной Республики в начале 1980-х гг. осуществлялась по нескольким взаимосвязанным траекториям. В первую очередь было ликвидировано большинство радикальных организаций, которые не согласовывали с властью

коммеморативные стратегии. Затем была создана сеть институтов памяти, деятельность которых была направлена на реализацию государственного курса в области политического использования прошлого. Особое место здесь отводилось Патриотическому объединению «Грюнвальд», которое занималось инструментализацией памяти о Грюнвальдской битве 1410 г. во внутривнутриполитическом измерении исторической политики, направленном на распространение исторических нарративов о «победах польского оружия», а также во внешнеполитическом измерении, в рамках которого происходила легитимация «Возвращенных земель». Заключительным шагом стало учреждение функциональных партийных комиссий, отвечающих за организацию мероприятий, приуроченных к официальным праздникам социалистической Польши.

3. Значительное влияние на трансформацию курса исторической политики Польской Народной Республики в середине 1980-х гг. оказала польская историография, которую можно условно разделить на два направления. Одно из них, представленное диссидентскими историками К. Керстен, А. Михником и В. Рошковским, уделяло внимание травматическим аспектам польского прошлого, включая Варшавское восстание 1944 г., Холокост и Пакт Молотова-Риббентропа 1939 г. Нарративизация этих событий и распространение информации среди широких слоев польского общества заставляли представителей власти давать собственные оценки упомянутым историческим нарративам. Ко второму направлению следует отнести польских историков, входящих в Польское историческое общество, которые отстаивали официальные исторические нарративы и участвовали в трансформации образовательной составляющей исторической политики, видоизменяя конфигурацию школьных программ по истории.

4. Католическая церковь и лично Иоанн Павел II сыграли одну из ключевых ролей в процессе трансформации коммеморативных практик польского правительства. Выступления святого понтифика в различных воеводствах Польской Народной Республики в 1983 г. и 1987 г. с речами на исторические темы способствовали структурным изменениям в коллективной памяти польского общества. Объекты для коммеморации, выбранные Иоанном Павлом II, эксплицитно демонстрировали страдания польской нации в истории XIX–XX веков, а также несправедливое отношение государства к собственным гражданам. Схожим образом на историческую политику влиял и капеллан варшавского отделения НСП «Солидарность» Е. Попелушко, который, с одной стороны, участвовал в увековечивании памяти жертв репрессий, с другой стороны, погибнув, стал объектом целенаправленной коммеморативной деятельности со стороны антикоммунистической оппозиции.

5. Во второй половине 1980-х гг. вопросы исторической политики получили значительное распространение в программных установках НСП «Солидарность». Во многом это было обусловлено персональным составом лидеров профсоюза, значительная часть которых были выпускниками исторических факультетов университетов Польской Народной Республики:

Б. Геремек, К. Модзелевский, Я. Куронь, Б. Борусевич и т.д. Их ценностные позиции в совокупности с историческим образованием определили подходы антикоммунистической оппозиции к использованию прошлого, сущность которых заключалась в рассмотрении польской истории как части общеевропейской, восстановлении коммеморативных практик Второй Республики, а также активным мемориальным противоборством с ПОРП за социалистические праздники, в первую очередь 1 мая. Утилитарная составляющая такого подхода заключалась в мобилизации членов профсоюза и привлечении на сторону оппозиции сторонников государственной власти.

6. Трансформация коммеморативных практик польского правительства в ходе переговорного процесса с оппозицией в 1987–1989 гг. была направлена на повышение престижа действующей власти посредством привлечения и последующего распространения оппозиционных исторических нарративов. В связи с возросшей популярностью независимого профсоюза в конце 1980-х гг., польское Правительство М. Раковского предприняло попытку изменить курс исторической политики, в рамках которого начал восстанавливаться культ Ю. Пилсудского, стали героизироваться участники Варшавского восстания 1944 г. Указанные коммеморативные проекты предоставляли возможность ПОРП получать симпатии широких слоев польского общества и способствовали началу полноценного диалога с оппозицией.

7. В ходе дискуссий «Круглого стола» 1989 г. затрагивались проблемы расширения плюрализма в школьных образовательных программах гуманитарного цикла, возможности независимых акторов массово распространять исторические нарративы в публичном пространстве, снятие цензурных барьеров для печатной продукции. В результате обсуждений вопросов исторической политики принципиальным образом изменились позиции сторон в Польской Республике. Решения большинства обозначенных проблем, зафиксированных в документах рабочих групп «Круглого стола», не позволяло более властям осуществлять коммеморативную деятельность. Противоборство консервативной части партийной номенклатуры не смогло сломить тренд на сущностное переформатирование исторической политики Польской Народной Республики, в результате которого власть утратила ключевые административные рычаги, позволяющие ей регламентировать дискурсы о прошлом.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Проведенное исследование способствует разностороннему изучению исторической политики Польской Народной Республики в условиях системного кризиса государственности 1980-х гг. Анализ трансформаций коммеморативной деятельности польского правительства, основанный на широкой выборке источников, позволяет углубить и дополнить представления о сущностных характеристиках, механизмах реализации и эволюции исторической политики в социалистической Польше. В прикладном ракурсе значимость диссертации объясняется возможностью использования ее положений и выводов представителями различных областей социальных и гуманитарных наук в

исследовательской и педагогической деятельности в высших и профессиональных образовательных организациях, в ходе проведения междисциплинарных исследований по изучению исторической политики Польской Народной Республики и других стран Центрально-Восточной Европы, разработке учебных программ по истории Польши, партийной и культурной политике стран социалистического лагеря.

Апробация результатов работы. Основные положения диссертационного исследования были представлены на 12 международных, всероссийских и региональных научных конференциях. Всего в рамках проблематики диссертационного исследования опубликовано 11 научных работ, из них 5 публикаций в изданиях, входящих в Перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседаниях кафедры зарубежной истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону) и Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы ФГБУН «Институт славяноведения РАН» (г. Москва).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка сокращений, библиографии и приложений.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** раскрыта актуальность темы исследования, проанализирована историография проблемы, определены цель и задачи диссертации, ее объект и предмет, территориальные и хронологические границы, приведена характеристика методологии и источниковой базы работы, указана структура исследования, его научная новизна и основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава исследования «Идеологические и институциональные основания курса исторической политики Польской Народной Республики в первой половине 1980-х гг.» состоит из двух параграфов и посвящена определению содержания и места дискуссий по проблеме инструментализации прошлого в начале 1980-х гг., раскрытию воззрений на историческую политику полярных сегментов польского общества в условиях системного кризиса 1981–1983 гг., а также рассмотрению трансформации институционального измерения исторической политики, включающего в себя как создание организаций, участвующих в реализации коммеморативных стратегий польского правительства, так и устойчивых мемориальных практик, выраженных в юбилеях и памятных датах.

В первом параграфе первой главы «Теоретическое осмысление и выработка курса исторической политики в условиях государственного кризиса 1981 г.» дана подробная характеристика воззрений различных идейно-политических сегментов польского общества на проблему использования исторических нарративов для решения политических задач, анализируются содержательные аспекты их концепций.

Представители различных идейно-политических течений внесли существенный вклад в теоретическое осмысление исторической политики в условиях государственного кризиса 1981 г. Исходя из того, что идеологическое обоснование концептуальных основ исторической политики являлось составной частью их мировоззренческих установок, ими были сформулированы принципы отбора исторических нарративов, которые, по их мнению, могли бы вывести государство из кризиса и повысить престиж действующей власти. В качестве сущностной черты выработки курса исторической политики следует отметить внимание консервативных слоев ПОРП к внутривластному измерению исторической политики. Лидер Катовицкого партийного форума (КПФ) В. Волчев был сторонником марксистского подхода к исторической политике, рассматривающего польскую историю в качестве диалектического противостояния и стремления к коммунизму. Его оппонент, идеолог «горизонтальных структур» С. Братковский, придерживался иной позиции, артикулирующей польскую идентичность. За включение польских исторических нарративов в мировой контекст выступал идеолог НСП «Солидарность» К. Модзелевский, а философ Л. Колаковский предлагал рассматривать польскую историю как перманентную борьбу, в том числе за свободу от коммунистического правительства.

Лидер ПОРП В. Ярузельский пытался аккумулировать все господствующие течения, представив собственный подход к инструментализации прошлого. Военное положение, милитаризация государства и биография самого генерала инициировали отбор исторических нарративов о польской военной истории для их использования в исторической политике. В. Ярузельский также использовал ценностные элементы концепций, предложенных «партийным бетоном» и КПФ. При этом учитывались идейные установки лидеров НСП «Солидарность» и «горизонтальных структур», что рассматривалось властью в качестве одного из способов привлечения на свою сторону нелояльных слоев польского общества.

Во втором параграфе первой главы «Институционализация исторической политики Польской Народной Республики в 1981–1985 гг.» проведен анализ деятельности организаций, участвующих в реализации коммеморативных практик польского правительства, определено место памятных дат и юбилеев в процессе трансформации курса исторической политики, раскрыта связь между развитием институтов памяти и общими изменениями в мемориальном ландшафте государства в первой половине 1980-х гг.

Процесс институционализации исторической политики происходил параллельно с нарастанием государственного кризиса в начале 1980-х гг. Учреждение институтов памяти, среди которых в особенности выделялось Патриотическое объединение «Грюнвальд», сопровождалось нарастанием радикализма, что приводило к продуцированию этими институтами националистических и антисемитских повествований. В то же самое время В. Ярузельский контролировал этот процесс, не допуская появления

организаций, идеологические установки которых противоречили бы государственному курсу. Особое внимание также уделялось юбилеям и памятным датам, вокруг которых создавались специальные партийные комиссии. Обсуждаемые на заседаниях ЦК ПОРП в 1981–1985 гг. сценарии празднования и механизмы защиты от нападков на памятные даты свидетельствуют, с одной стороны, о выработке институциональных оснований курса исторической политики на государственном уровне, с другой стороны, об осознании необходимости в их трансформации.

Во второй главе «Оформление и реализация курса исторической политики Польской Народной Республики в середине 1980-х гг.», состоящей из двух параграфов, проанализированы тенденции в польской исторической науке, определено их влияние на трансформацию курса исторической политики, раскрыты место и роль католической церкви в процессе видоизменения модальности коллективной памяти польского общества.

В первом параграфе второй главы «Диверсификация практик историописания и их воздействие на трансформацию образовательной составляющей исторической политики Польской Народной Республики» проведен анализ различных направлений в польской историографии в контексте влияния сочинений историков на трансформацию исторической политики польского правительства, определено место институционализированного академического сообщества, рассмотрены его отношения с властью.

Трансформация исторической политики находилась в неразрывной связи с тенденциями в польской историографии. Институционализация исторической политики в рамках Польского исторического общества привела к контролю государства над академическим сообществом историков, дальнейшая работа которых теперь напрямую зависела от административных и финансовых рычагов, имеющихся в распоряжении правительства. Изменения в руководстве Польского исторического общества стали еще одним шагом на пути окончательной ликвидации академических свобод и включения историков в реализацию курса исторической политики. Это привело к участию историков в формировании нового корпуса учебной литературы для общеобразовательных учреждений. Учебник по истории с прямыми политическими интерпретациями Р. Вапинского был заменен корпусом текстов, в которых государство позволило авторам приводить несколько точек зрения на исторические события. Трансформация курса исторической политики происходила не за счет ужесточения цензуры в общеобразовательных школах, а посредством добавления в исторические нарративы ранее замалчиваемых фактов (Катынское преступление 1940 г., Варшавское восстание 1944 г., Пакт Молотова-Риббентропа 1939 г.), которые, однако, по-прежнему оценивались с точки зрения официального государственного дискурса. Диссидентская историография, прежде всего работы К. Керстен, А. Михника и В. Рошковского, препятствовала трансформации исторической политики правительства. Диссидентские практики историописания воздействовали на коллективную память польского общества, осуществляя попытки изменения ее модальности:

исследователи, публиковавшие свои тексты в зарубежных издательских домах, которые затем распространялись на территории социалистической Польши, старались представить польскую нацию в качестве жертвы агрессий.

Во втором параграфе второй главы «Влияние католической церкви на коммеморативные проекты польского правительства» дана развернутая характеристика места и роли католического духовенства в ходе трансформации исторической политики, определено значение речей и других активностей римского папы Иоанна Павла II в процессе видоизменения модальности коллективной памяти польского общества.

В 1980-е гг. мемориальное пространство испытывало значительное воздействие со стороны Польской католической церкви и римского папы Иоанна Павла II. Причины влияния церкви на коммеморативные практики польского правительства заключались в популярности религиозных институтов, возросшей в период военного положения, а также в относительной независимости польских священнослужителей от государства.

Эта независимость позволяла им трансформировать коммеморативную повестку в государстве, актуализируя замалчиваемые властью исторические нарративы. Посредством религиозного дискурса в коллективную память польского общества были возвращены, в отличном от официальной идеологии смысле, события Варшавского Восстания 1944 г. и Холокост. Проповеди Иоанна Павла II во время его визитов в страну были наполнены отсылками к историческим событиям – преимущественно борьбе польского народа за свою независимость. Объекты для беатификации, выбранные святым понтификом, также наглядно демонстрировали идеи о мученичестве польского народа и несправедливости государства.

Важное значение в трансформации курса исторической политики имел капеллан варшавского отделения НСП «Солидарность» Е. Попелушко, который соединял в своих проповедях религиозные, политические и исторические дискурсы. Его смерть в 1984 г. стала одним из самых масштабных событий для антикоммунистической оппозиции, которая, потеряв символический капитал речей харизматичного капеллана, занялась конструированием культа погибшего священника.

Третья глава «Эволюция курса исторической политики Польской Народной Республики в ходе переговорного процесса с оппозицией в 1987–1989 гг.», включающая в себя два параграфа, посвящена анализу воззрений представителей оппозиции на историческую политику, раскрытию трансформации коммеморативных практик польского правительства в ходе вынужденного взаимодействия с НСП «Солидарность».

Первый параграф третьей главы «Историческая политика Польской Народной Республики в программных установках Независимого самоуправляемого профсоюза "Солидарность"» раскрывает взгляды представителей польской оппозиции как на проводимые в 1980-е гг. коммеморативные проекты польского правительства, так и их собственные установки в отношении инструментализации национального прошлого.

В программных документах оппозиции артикулировалась общность польских и европейских исторических нарративов, что было связано с попыткой сместить идентичностный императив с социалистического на общеевропейский. Помимо этого, антикоммунистическая оппозиция использовала праздник 1 мая для мобилизации сторонников и уменьшения престижа действующей власти. Коллективная память о «празднике Конституции» (3 мая) актуализировалась для продвижения либерально-демократических ценностей. Мартовские события 1968 г. занимали важное место в коллективной памяти оппозиционной молодежи, которая рассматривала правление В. Гомулки как проявление наиболее негативных тенденций в социалистическом обществе. Несмотря на отсутствие четкой целостности во взглядах, НСП «Солидарность» подошел к переговорному процессу с ПОРП с набором исторических нарративов, выстроенных на основе критики официальной версии прошлого.

Во втором параграфе третьей главы «Видоизменение коммеморативных практик польского правительства в условиях нарастания общественно-политического кризиса: от переговоров в Магдаленке к "Круглому столу" 1989 г.» проанализирована эволюция коммеморативных практик Правительства М. Раковского, определены направления трансформации исторической политики в условиях переговорного процесса, раскрыты позиции противоборствующих сторон по проблеме политического использования прошлого в ходе проведения «Круглого стола» 1989 г.

Символический капитал, накопленный антикоммунистической оппозицией к 1987 г., вынудил правительство пойти по пути дальнейшей трансформации исторической политики. Выступление В. Ярузельского на 7-м пленарном заседании ЦК ПОРП, на котором он заявил о необходимости диалога с оппозицией, получило неоднозначную оценку со стороны партийной номенклатуры. С одной стороны, значительная часть польских политиков считала диалоговый подход справедливым, с другой, ортодоксальные партийные деятели по-прежнему выступали против компромиссов с оппозицией и осуществляли собственные коммеморативные проекты. Деятельность Правительства М. Раковского также носила амбивалентный характер. Закрытие Гданьской судоверфи – «колыбели» НСП «Солидарность» – стало конфронтационным актом, направленным против коммеморативных тенденций, которые поддерживала оппозиция. В то же самое время при нем были инициированы коммеморативные проекты по увековечиванию фигуры Ю. Пилсудского и участников Варшавского восстания 1944 г.

В ходе диалога ПОРП с оппозицией в рамках «Круглого стола» 1989 г., где также участвовали представители религиозных конфессий, НСП «Солидарность» смог переформатировать сущностные черты курса исторической политики, создав условия для плюрализма в области учебных программ по истории, добился частичного снятия цензурных запретов и получения доступа к средствам массовой информации.

В Заключении подведены итоги работы, сформулированы ее результаты и выводы. В начале 1980-х гг. в политической жизни социалистической Польши происходят существенные сдвиги, связанные с кризисными тенденциями в различных сферах жизни общества. Идеологическое обоснование курса исторической политики представителями консервативного крыла ПОРП осуществлялось при помощи инкорпорации социалистической идеологии в исторические нарративы. Представители реформистского крыла – «горизонтальные структуры» – выступали против телеологического сведения всей польской истории к социалистическому периоду ее развития, артикулируя значимость всей национальной истории, которая должна служить основой для формирования идентичности. В ином виде эта концепция получила свое развитие в среде идеологов НСП «Солидарность», которые отстаивали тезис о распространении интернационалистского дискурса на все европейские страны и США.

Институциональные основания исторической политики трансформировались на протяжении первой половины 1980-х гг. по нескольким траекториям. Препятствуя радикализации как части партийной номенклатуры, так и общества, В. Ярузельский ликвидировал существовавшие в начале 1980-х гг. институты памяти, которые отстаивали независимую от государства точку зрения на прошлое. Осознавая непопулярность партийных структур, учреждение новых институтов памяти происходило посредством создания независимых организаций, которые, тем не менее, в значительной степени контролировались государством. Параллельно с этим происходила институционализация коммеморативных проектов вокруг ключевых для социалистической идеологии праздников и памятных дат.

Существенную роль в процессе трансформации исторической политики играли польские историки. На протяжении 1980-х гг. происходила поляризация академического сообщества, в результате которой выделилось два условных историографических направления по отношению к проводимому государством курсу. Лояльная ПОРП часть историков поддерживала коммеморативные тренды правительства и участвовала в реформировании школьных программ по истории. Другая часть историков, критически относящаяся к действующей власти, осуществляла практики, направленные на актуализацию в коллективной памяти польского общества замалчиваемых государством событий, эксплицитно декларируя то, что это должно было служить средством делигитимации коммунистического режима. В условиях падения авторитета государственных институтов, в 1980-е гг. возрастает роль католической церкви, которая активным образом участвовала в трансформации исторической политики польского правительства и продвигала собственные нарративы среди польских граждан. Все это работало на изменение модальности коллективной памяти польского общества – место триумфалистских исторических нарративов занимали повествования о жертвенности народа и его страданиях в истории.

Представители НСП «Солидарность» рассматривали исторические нарративы как средство конституирования собственного присутствия в политическом пространстве, а также как механизм для привлечения на свою

сторону сторонников ПОРП. Именно поэтому продуцируемые антикоммунистической оппозицией исторические нарративы носили антагонистический характер. По мере развития и структурного оформления, деятели НСП «Солидарность» предпринимали попытки продвижения объединительных исторических нарративов среди профсоюзов других стран.

В изменившейся внутривластной и внешнеполитической конфигурации конца 1980-х гг. власти были вынуждены вступить в диалог с оппозицией, а также трансформировать свои коммеморативные практики. Осуществляя попытки заручиться поддержкой нелояльной части общества, Правительство М. Раковского опиралось на несвойственные режиму В. Ярузельского исторические нарративы. В ходе этого было начато восстановление культа Ю. Пилсудского, продолжены работы по увековечиванию участников Варшавского восстания 1944 г., а также прекращена поддержка коммеморативных проектов «партийного бетона». В результате выработанных положений рабочих групп «Круглого стола» 1989 г., ПОРП фактически отказалась от сущностных механизмов, на которых в 1980-е гг. выстраивалась историческая политика государства.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. *Апрыщенко В.Ю., Мартыненко М.А.* Восточная Европа в эпоху посткоммунистической трансформации: ключевые подходы к изучению коллективной памяти региона // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. № 3 (9). С. 181–186. DOI 10.37493/2409-1030.2022.2.1 (1 п.л. / 0.5 п.л.).
2. *Мартыненко М.А.* Грюнвальдская битва в исторической политике Польской Народной Республики в 1940–1980-е годы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2023. № 3. С. 96–99.
3. *Мартыненко М.А.* «Важно уберечь Ленина»: коммеморации образов российского революционера в Польской Народной Республике [Электронный ресурс] // Метаморфозы истории. 2023. № 30. URL: <https://history-metamorph.ru/s241436770028127-9-1/> (дата обращения: 01.04.2024). DOI 10.37490/S241436770028127-9 (1.8 п.л.).
4. *Мартыненко М.А.* Историческая политика Польской Народной Республики в российской историографии XXI века // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. № 3 (10). С. 410–416. DOI 10.37493/2409-1030.2023.3.6
5. *Мартыненко М.А.* Историческая политика Польской Народной Республики в 1980-е гг.: особенности трансформации // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2024. № 2. С. 13–19. DOI 10.29025/1994-7720-2024-2-12-19

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

6. *Мартыненко М.А.* Акторы vs. нарративы: к вопросу о методологии исследований коллективной памяти // Неделя науки 2021: Сборник тезисов конференции в 2 частях, Ростов-на-Дону, 19–28 апреля 2021 г. / под ред. Я.А. Асланова, М.А. Лачугиной, Н.П. Сохиева, Н.Ю. Лебедевой. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2021. Ч. 1. С. 694–697.
7. *Мартыненко М.А.* Символические аспекты противостояния профсоюза «Солидарность» и властей Польской Народной Республики в феврале-апреле 1989 г. // Неделя науки 2022: сборник тезисов конференции в 2 частях, Ростов-на-Дону, 18–27 апреля 2022 г. / под ред. Я.А. Асланова, О.В. Батычко, Н.П. Сохиева, М.А. Лачугиной. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2022. Ч. 1. С. 561–564.
8. *Мартыненко М.А.* Легитимация западных рубежей Польской Народной Республики средствами исторической политики (случай «Возвращенных земель») // Славянский мир: общность и многообразие: Материалы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры, Москва, 23–24 мая 2023 г. / Отв. ред. Е.С. Узнёва, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 30–33. DOI 10.31168/2619-0869.2023.1.06
9. *Мартыненко М.А.* Грюнвальдская битва в исторической политике Польской Народной Республики: становление культа // Клио-2022: Материалы Всероссийской ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Иркутск, 24–25 ноября 2022 г. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2023. С. 240–243.
10. *Мартыненко М.А.* «Бои за историю» в Польской Народной Республике 1980-х гг.: историческая политика и конкурирующие нарративы о прошлом // Art of science: материалы VI Международной гуманитарной научно-практической конференции, Пермь, 4–5 декабря 2022 г. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2023. С. 179–186.
11. *Мартыненко М.А.* (Не)предсказуемый футуролог. Рец.: Волобуев В.В. Станислав Лем – свидетель катастрофы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 712 с. // Историческая экспертиза / Historical Expertise. 2024. № 1. С. 191–197. DOI 10.31754/2410-1419-2024-1-191-197